

Светлана Шнитман-Макмиллин

ВЕНЕДИКТ ЕРОФЕЕВ
**«МОСКВА —
ПЕТУШКИ»**,
ИЛИ THE REST
IS SILENCE

Светлана Шнитман-МакМиллин Венедикт Ерофеев «Москва – Петушки», или The rest is silence

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67059159

*Венедикт Ерофеев «Москва – Петушки», или The rest is silence: Новое
литературное обозрение; Москва; 2022*

ISBN 978-5-4448-1668-4

Аннотация

Еще в 1980-е годы филолог-славист Светлана Шнитман-МакМиллин написала первое крупное академическое исследование «Москвы – Петушков». Одобренная самим Венедиктом Ерофеевым, эта работа долгое время оставалась основополагающей для филологов – но в то же время и малодоступной. Новое издание книги исправляет эту ситуацию. Шнитман-МакМиллин не просто предлагает комментарий к произведению: ее книга – это глубокое исследование интертекста, объясняющее законное место поэмы Ерофеева в ряду мировой классики. Работа публикуется в рамках проекта «Неканонический классик» (входящего в состав книжной серии «НЛО» «Научная библиотека»), плодом которого уже стали сборники статей и материалов, посвященных Д. А. Пригову, В. Сорокину, В. Шарову и Лианозовской школе. Светлана Шнитман-

МакМиллин – PhD, профессор Высшей школы славяноведения и Восточной Европы Лондонского университета.

Содержание

Марк Липовецкий	8
Предисловие	13
Введение	27
Сведения о писателе	27
Характер, направление и цель предлагаемой работы	35
Главная особенность «Москвы – Петушков»	35
Публикации о «Москве – Петушках»	36
О понятии «цитата» и «цитирование» в предлагаемом исследовании	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

**Светлана Шнитман-
МакМиллин
Венедикт Ерофеев
«Москва – Петушки»,
или The rest is silence**

*Памяти моих родителей – с любовью и
благодарностью*

Марк Липовецкий

Об этой книге

Властью случая, а может, волей судьбы Светлана Шнитман-МакМиллин оказалась среди первых читателей поэмы Ерофеева – она прочла ее через несколько месяцев после того, как этот шедевр русской литературы был перепечатан на машинке, а следовательно, спасен от неминуемой гибели, подобной той, что постигла роман «Дмитрий Шостакович». Она, конечно, могла бы прочитать поэму и позже, но мне почему-то кажется, что если бы Светлана читала Ерофеева, когда тот уже был окружен молвой и легендой, «Москва – Петушки» не поразили бы ее так сильно. Однако резонанс от текста *никому не известного* автора оказался столь мощным, что несколько лет спустя С. Шнитман-МакМиллин (тогда Гайсер-Шнитман) написала эту книгу – первую (и долгое время единственную) научную монографию о поэме Ерофеева. Эмигрантка и аспирантка (тогда эти феминитивы звучали не слишком гордо), она одной из первых отнеслась к «Москве – Петушкам» с академической серьезностью, посвятив ей докторскую диссертацию. И дело не только в том, что сам Ерофеев высоко оценил ее книгу «Венедикт Ерофеев „Москва – Петушки“, или „The rest is silence“». Мне в этой книге видится важное культурное событие – значительность

которого особенно очевидна сегодня, более чем через тридцать лет после первой ее публикации в издательстве Peter Lang.

Нынешнему читателю классический статус поэмы Ерофеева кажется очевидным, давно стало привычным сравнение «Петушков» с «Мертвыми душами». Однако в 1970–1980-е годы на западных кафедрах славистики редко допускались диссертации о современной литературе, тем более о литературе, так сказать, неясного происхождения. Можно было представить себе диссертацию о Солженицыне или Бродском, но не о Ерофееве или Довлатове. Первые были знаменитостями мирового масштаба, о них сообщали в газетах, говорили по радио и телевидению. Вторые были звездами в узких кругах антисоветской интеллигенции – как в СССР, так и в эмиграции. На советских кафедрах до перестройки о таких авторах речь могла идти исключительно в курилке.

Как ни странно, советский канон оставался в центре внимания западной славистики практически до конца существования Советского Союза. Разумеется, оценки раздавались диаметрально противоположные, но сам диапазон текстов задавался советской оптикой. Исключение составляли только исследования писателей Серебряного века и 1920-х годов. После революции, совершенной «Ардисом» – издательством и, как сейчас сказали бы, проектом, созданным Карлом и Элендеей Профферами в мичиганском Анн Арборе, ситуация с исследованиями в области этих двух лите-

ратурных эпох изменилась довольно радикально. Но «Ар-дис» не опубликовал «Москву – Петушки», хотя (как свидетельствует Николай Усков) Эллендея была восхищена поэмой. Зато о «Москве – Петушках» написали видные ученые тартуского круга, Ирина Паперно и Борис Гаспаров. Их статья, за которой следует в своем подходе к поэме Светлана Шнитман-МакМиллин, вышла в израильском журнале «Slavic Hierosolymitana» в 1981 году¹. Но Паперно и Гаспаров тоже были эмигрантами, а популярность того или иного русскоязычного сочинения в эмигрантской среде скорее мешала, чем помогала продвижению его автора в западных научных кругах.

Так что диссертация С. Шнитман-МакМиллин, всецело сосредоточенная на «Москве – Петушках», была сопряжена с научным риском и требовала немалого мужества. Более того, вместо того чтобы написать, скажем, о том, как поэма Ерофеева отражает и обличает массовый советский алкоголизм², – диссертантка принялась комментировать интертексты «Петушков». Иначе говоря, вместо того чтобы нажимать на политическую актуальность произведения, молодая исследовательница с энтузиазмом доказывала, что сочинение

¹ Паперно И., Гаспаров Б. «Встань и иди» // *Slavica Hierosolymitana*. Vol. 5–6. 1981. P. 387–400.

² По этому методу будет происходить легализация «Москвы – Петушков» в горбачевском СССР: сначала публикация в новосозданном журнале «Трезвость и культура», потом одобрительные рецензии со статисткой потребления алкоголя на душу населения.

малоизвестного алкоголика из СССР находится в сложном, многоуровневом диалоге не только с русской классикой (Гоголь, Достоевский), но и с европейской культурой, как религиозной, так и светской, в диапазоне от античности до современности. По сути дела, таким образом в книге «Венедикт Ерофеев „Москва – Петушки“, или The rest is silence» выдвигалась и всем богатством многоязыкового научного аппарата доказывалась крамольная гипотеза. Ведь выходило, что за пределами культуры, организованной оппозицией советского/антисоветского, в СССР существует непостижимо просторное культурное пространство, населенное «асоциальными элементами». Причем это пространство не отделено от советского мира воображаемой стеной: как показывает Светлана Шнитман-МакМиллин в своей книге, советские цитаты и аллюзии у Ерофеева легко переплетаются с библейскими и античными.

Это было очень значительное открытие. Оно намечало выход за пределы идеологической парадигмы и предполагало необходимость иных, отчасти неведомых, подходов к «современной литературе». Оно в корне меняло значение этого понятия – «современная литература». Выяснялось, что под этим термином скрывалась оформленная заново «мировая культура». Не тоска по мировой культуре, а реальное вмешательство в ее иерархии и символические ряды. И интертекстуальный метод, блистательно использованный С. Шнитман-МакМиллин, оказался наиболее адекватен этому ново-

му состоянию современной литературы, олицетворением которого стала поэма Ерофеева.

Меня особенно радует то, что исследование «„Москва – Петушки“, или The rest is silence» выходит в серии «Неканонический классик», посвященной научному изучению культуры советского андеграунда как равноправной участницы эстетического процесса XX века. Весело и даже задорно написанная, эта монография до сих пор поражает точностью и широтой аналитического взгляда – не даром за ней десятилетиями охотились все интересующиеся и занимающиеся «Петушками». По пути, открытому С. Шнитман-МакМиллин, пойдут не только многие исследователи Ерофеева (эхо «Венедикт Ерофеев „Москва – Петушки“, или The Rest Is Silence» звучит не в одной комментарии к поэме). Но монография нисколько не устарела. Напротив, каждому, кто хочет разобраться в загадках поэмы Ерофеева, я бы советовал начинать именно с этой книги.

Мой вам совет – больше читайте...

Мне, например, здесь очень нравится. Если что не нравится – так это запрет на бродяжничество. И... неуважение к Слову...

Венедикт Ерофеев. «Вальпургиева ночь, или Шаги командора»

Предисловие

Весной 1970 года я приехала в Москву. В первый же день Василий Моксяков³, друживший с Владимиром Муравьевым и знавший Венедикта Ерофеева, дал мне самиздатскую перепечатку только что появившихся «Москвы – Петушков» со словами: «Прочитай, это гениально». Вечером я взяла в руки первую страницу и не могла оторваться от текста. Прочитав его за несколько часов и дойдя до конца, я поняла, что книгу необходимо перечитать второй раз, что и сделала на следующий день. Вернувшись в Ленинград, я без конца и с восторгом цитировала текст своим друзьям.

Через тринадцать лет в прекрасном доме над Женевским озером я обсуждала тему диссертации с моим будущим руководителем, профессором Лозаннского университета Робинем Кембаллом. Специалист в области русской поэзии, автор фундаментальной книги об Александре Блоке, Кембалл обожал Марину Цветаеву и раскинул передо мной веер связанных с ее творчеством тем, которым я могла бы посвятить ближайшие годы. Я вынула из сумки купленный в Париже экземпляр «Москвы – Петушков». Кембалл очень удивился, но согласился прочитать книгу.

Через неделю, когда я опять появилась, в доме цвели

³ Моксяков Василий Михайлович (1944–2020) – поэт, диссидент и переплетчик старинных книг.

улыбки. Текст Венедикта Ерофеева очень понравился профессору, но оказалось к тому же, что его польская жена уже слышала о нем от своих детей. «Москва – Петушки» были переведены и чрезвычайно популярны в польской диаспоре, и я была глубоко тронута, когда молодые поляки, собирая средства на «Солидарность», решили поставить в Берне спектакль по книге русского писателя и попросили меня о консультации.

Под посаженной Кембаллом рябиной («Но если куст мне встретится, / Особенно рябина...») тема моей диссертации была утверждена. При этом мой руководитель честно сказал: «Я не смогу вам много помогать с такой темой». В глазах его светилось удовольствие. Культурнейший англичанин из богатой семьи, в совершенстве знавший несколько языков и прекрасно владевший русским, он признался мне в одну из наших первых встреч: «Война все изменила. В моей семье я был первым поколением, которое вынуждено было начать работать. Я с этим так и не смирился».

Я приступила к работе над диссертацией, превращенной позднее в первое издание этой книги, в конце 1983 – начале 1984 года.

Интернет в то время могли вообразить себе только фантасты, Google был непредставим, на месте персональных компьютеров стояли пишущие машинки «с головками»: для каждого языка своя головка, вставлявшаяся по мере надобности. Я приобрела русскую, немецкую, французскую и ан-

глийскую головки. Для итальянских текстов я бегала на факультет итальянского языка и литературы, где впечатывались нужные строчки.

В то время Венедикт Ерофеев был известен в Советском Союзе сравнительно узкому кругу столичных и университетских интеллектуалов. На Западе его знали в эмигрантских кругах, благодаря публикации «Москвы – Петушков» в израильском журнале «АМИ», но главное – по парижскому изданию YMCA-press 1977-го, а потом 1981 годов. И, как совершенно верно написал Зиновий Зиник⁴, считали остроумной, даже блестящей шуткой алкоголика – не более.

Для меня это была очень одинокая работа. Русская филологическая среда в Швейцарии практически отсутствовала. Лишь немногие западные слависты знали текст. На конференциях, спросив меня о теме исследования, собеседники быстро находили для общения специалистов в более достойных областях. Американская славистка, читавшая книгу Ерофеева, решительно объявила мне, что есть книги, достойные написания монографий или диссертаций, – но «Москва – Петушки» к ним не принадлежит. Я ее мнение проигнорировала. Я встретила бы больше интереса в среде русской филологической диаспоры в США, где уже появились первые публикации о книге, но между нами был океан.

Главной проблемой оказался поиск информации для ссылок. С русскими книгами особой проблемы не было. Зная,

⁴ Zinik Z. After the Third Glass. P. 19.

что процитирована строчка из стихотворения того или другого автора, я не всегда помнила начало стихотворения, и нужно было пролистать целый том стихов, что я делала с радостью и удовольствием, хотя определить заранее, сколько времени на это понадобится, было невозможно. Куда труднее обстояло дело с западной литературой. Найти, например, издание Рабле по-русски было в Швейцарии невозможно. Поэтому я, отыскав во французском издании точное место, посылала заказное письмо (иначе почта не всегда доходила) со всеми данными своему другу, работавшему в Публичной библиотеке в Ленинграде, а он тоже заказным присылал мне точную цитату и данные для сноски. Этот же метод использовался и с другими авторами.

Иногда случались курьезы. Прочитав в «Москве – Петушках» про Шиллера, вдохновлявшегося шампанским для написания трагедий из пяти актов, я стала искать источник. На факультете германистики я обнаружила несколько биографий Шиллера, четыре по-немецки, одну по-английски и одну по-итальянски. Я добросовестно пролистала их на предмет шампанского. Не найдя там ничего относящегося к интересующему меня напитку, я отправилась к очень известному ученому-германисту профессору Карлу Песталоцци. Потомок знаменитого педагога и высоких санов протестантской церкви, проф. Песталоцци был человеком необыкновенно доброжелательным. Он выслушал меня с веселым изумлением. «Сомневаюсь. Откуда бы у Шиллера деньги на шам-

панское?» – сразу сказал он мне. Я подтвердила, что именно эта мысль меня особенно смущала. Профессор Песталоцци предложил написать своему другу и коллеге – крупнейшему специалисту и директору центра Шиллера в Германии. Через пару недель он, улыбаясь, передал мне ответ: «Откуда деньги?» Никаких указаний на потребление Шиллером шампанского найти не удалось. Как впоследствии указал Эдуард Власов, цитата происходит из биографии Шиллера, написанной Л. Я. Лозинской для серии «ЖЗЛ». Я читала в детстве эту биографию, но факта с шампанским моя память не удержала. Теперь все становилось на свои места. Шиллер, как и все немцы, любил рейнские шипучие вина, дешевые, легкие и вкусные. В те времена их часто пили вместо воды или разбавляя ею. Но для советского человека любое шипучее вино было «шампанским», «Советским» от сухого до сладкого, а после падения нерушимого союза – переименованным в «Российское», «Абрау-Дюрсо», «Цимлянское» и другие марки с теми же деноминациями. Существование французской провинции Шампань с ее фирменными напитками игнорировалось. Так «шампанское» вошло в биографию Шиллера. Я же, вкусив «Вдовы Клико», после нескольких лет жизни на Западе так глубоко усвоила разницу, что не сообразила вовремя, в чем дело.

Исследование очень увлекало меня, и я упорно искала ключи к пониманию текста, который так поразил меня при первом же прочтении и в котором я чувствовала еще не рас-

крывшуюся мне глубину.

Через три с половиной года в актовом зале Лозаннского университета в присутствии публики и комиссии из пятнадцати лозаннских профессоров я рассказывала о путешествии советского алкоголика из Москвы в неведомые им Петушки. После четырех часов нелегкой, но очень успешной защиты я получила докторскую степень. Когда мы с друзьями пошли поспрашивать в ресторане, оказалось, что со мной от напряжения пережитых часов что-то случилось – я совершенно не могла глотать. Немедленно была заказана бутылка водки, чем мы совершенно потрясли персонал ресторана. Обычные посетители иногда выпивали маленькую рюмку водки как дижестив после ужина. Мы выпили за вечер три бутылки, уничтожив месячный запас ресторана. Когда я однажды впоследствии забежала туда перекусить, мне было почтительно объявлено, что денег с меня не возьмут – ресторан угощает.

Через неделю я вернулась в Базель, основное место своего проживания. В почтовом ящике я нашла два официальных письма. Одно было из банка, спрашивавшего, хочу ли я закрыть счет: на счету оставалось 104 швейцарских франка, а счетов, где держалось бы меньше 100 франков, банк не признавал. Во втором был *imprimatur* – рекомендация Лозаннского университета на напечатание диссертации с сообщением, что университет возьмет на себя все расходы по изданию книги. Такая необычная щедрость навела меня на

мысль, что университет решил компенсировать мне решение не платить аспирантскую стипендию, что чрезвычайно осложнило мою жизнь в период написания диссертации. Я была очень обрадована и благодарна. Позвонив в известное издательство Peter Lang в Берне, я договорилась, что пришлю им *imprimatur*, и спросила, что от меня требуется. Они хотели готовый для публикации экземпляр книги и настоятельно советовали мне печатать его на компьютере. О покупке не могло быть и речи, персональные компьютеры начали появляться, но их цена была очень высокой.

Я отправилась в Биологический центр Базельского университета, где был оборудован зал с тридцатью компьютерами. Для напечатания русского текста нужно было вводить в компьютер специальный диск. Усевшись, я нажала ближайшую кнопку компьютера, и передо мной загорелся экран. Я некоторое время смотрела на него с радостью, потом встала, спустилась к телефону-автомату, позвонила в Женеву и спросила моего друга, единственного среди моих знакомых обладателя персонального компьютера Томаса Лахузена: «Что делать дальше?» Но постепенно все устроилось. В центре было много молодых биологов, часто ожидавших завершения своих экспериментов («У нас там мухидохнут», – меланхолично объяснил мне один из них), и они с веселой радостью помогали мне осваивать чудо электроники. Купив несколько экземпляров «Москвы – Петушков» в немецком переводе, я подарила их своим новым друзьям.

Через несколько месяцев, когда текст был напечатан, возникла новая проблема: в Биологическом центре на все компьютеры приходилось всего два больших принтера. Русско-му языку они обучены не были и печатали каждую страницу моего текста как картинку, что занимало примерно пятнадцать-двадцать минут. О том, чтобы печатать днем, не могло быть и речи, я бы всех блокировала. Последующие месяцы я приходила в Биоцентр к одиннадцати вечера и печатала часов до трех-четырех ночи, после чего с очередными двенадцатью-пятнадцатью страницами мчалась по улицам Базеля домой поспать перед работой.

Постепенно ночная жизнь базельского Биоцентра приобрела новые и неожиданные черты. Узнав, что я буду приходить печатать каждый день, естественники проявили инициативу. Войдя однажды к ночи в большой зал, я увидела на свободном от компьютера столе бумажную скатерть, на которой были разложены бутерброды и стояла парочка бутылок вина. Собрание будущих звезд швейцарской науки читало вслух «Москву – Петушки». Я вносила комментарии, таким образом ознакомив присутствующих с широкими пластами русской и мировой культуры. Все очень сожалели, когда я допечатала последнюю страницу книги, так что банкет затянулся до раннего утра. По домам нас развозило такси.

Книга вышла весной 1989 года. Отклика не было почти никакого. В Лондоне появились две рецензии, остальной мир молчал. Так продолжалось примерно до 1993–1994 го-

дов, когда ко мне стали подходить молодые коллеги и аспиранты, прочитавшие книгу. К тому времени шедевр Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки» вошел в западные университетские программы для аспирантов, книга моя была раскуплена моментально, и заинтересованность в ней очень возросла. Я уже жила в Лондоне.

С тех пор я не занималась Ерофеевым, хотя, конечно, читала все возможные появлявшиеся материалы и работы о нем.

В 2019 году в мои руки неожиданно попала запись неопубликованного интервью, взятого у Венедикта Ерофеева в 1982 году британской слависткой Дафни Скиллен. Историю находки, текст интервью и комментарий к нему можно найти в нашей совместной с Ильей Симановским публикации в журнале «Знамя»⁵, а также в сборнике «Венедикт Ерофеев и о Венедикте Ерофееве»⁶.

Мои друзья и коллеги не раз заговаривали со мной о переиздании книги, но я не решалась вступить второй раз в ту же реку. Основных толчков для изменения моего отношения к вопросу о переиздании было два. Первым были полученные мною после публикации вышеупомянутого интервью в «Знамени» письма нескольких ученых с разных концов России с просьбой об экземпляре книги. Некоторые писали, что

⁵ Ерофеев В., Скиллен Д. «Я не спешу» // Знамя. 2019. № 10. С. 170–187.

⁶ Венедикт Ерофеев и о Венедикте Ерофееве. С. 521–539.

читали ее в Москве или Петербурге, в центральных государственных библиотеках, куда я послала ее в 1989 году. Но они хотели бы иметь исследование в своих университетских библиотеках, так как это важно для студентов. У меня больше не было экземпляров, но становилось ясно, что книга востребована. Рекорд нашей большой университетской библиотеки также свидетельствовал о ее популярности.

Второе, что на меня повлияло. В 1989 году я привезла в Москву экземпляр книги, попросив Василия Моксякова передать ее Венедикту Ерофееву. Но, как он мне объяснил, по нездоровью своему и Ерофеева он этой просьбы не выполнил. В 2019 году я в письме Илье Симановскому упомянула, что мне неизвестно, знал ли Венедикт Ерофеев о моей книге. Илья сразу прислал мне ссылку на интервью, взятое Ириной Тосунян. Я читала это интервью в «Литературной газете», когда оно появилось, но не знала, что оно было опубликовано с купюрами, восстановленными потом в полном тексте книги «Мой очень жизненный путь». Книга стояла у меня полке, но я интервью не перечитывала, полагая, что уже знаю его содержание. На вопрос Ирины Тосунян о рецензиях и статьях, написанных о «Москве – Петушках», строгий критик Ерофеев снисходительно-мягко отозвался о прекрасной статье Андрея Зорина, обругал публикации всех, кого надо и не надо: «Ни одной путной статьи», – и добавил с одобрением: «Только одна диссертация из Швейцарии»⁷. Я почув-

⁷ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 511.

ствовала, как меня приподняло над землей, и, поплавав там несколько мгновений, я тихо опустилась на землю. Это был знак, что мое исследование и интерпретация текста отозвались в авторе пониманием и признанием. Как я узнала много позднее, Наталья Шмелькова привезла мою книгу Венедикту Ерофееву из Нью-Йорка поздней осенью 1989 года.

Но предлагаемое издание, скорее всего, так и не появилось бы на свет, если бы не вмешательство и деятельная помощь моего друга Марка Липовецкого. Моя благодарность ему неизмерима. Сердечная благодарность также Ирине Дмитриевне Прохоровой, за два дня прочитавшей книгу и приславшей очень теплый отзыв с выражением готовности переиздать ее в НЛЮ. И конечно всем сотрудникам НЛЮ, готовившим ее к печати. Last but not least – огромное спасибо Илье Симановскому за дружбу и всю его щедрую помощь.

Несколько предварительных замечаний

Редактируя книгу, я решила убрать из нее совершенно устаревшие части, например перечисление изданных к тому моменту произведений Ерофеева. Я оставила свой краткий библиографический обзор, чтобы было ясно, на основании какого материала я писала исследование. В остальном я не меняла текста: книга была написана более тридцати лет назад, и, конечно, если бы я писала ее сейчас, результат был бы совершенно иным. Но хотя есть расширенные комментарии, сборники статей и ценные свидетельства, эта работа остается

пока единственной монографией, посвященной «Москве – Петушкам». В главном мое понимание и интерпретация текста Венедикта Ерофеева не изменились, и поэтому я надеюсь, что моя книга, став более доступной, даст, наряду с другими ценными работами, дополнительный толчок и стимул для дальнейших исследований этого поразительного произведения.

Москва - Пекин (она достигнута до Хизин.
по дороге). В 62-63 г.г. - кочев. хитоны
в г. Владимир; рибиты гонимы - рибиты
на партия на Урале (Храмовский). С
1914 по 69 г. - монтажники кабельно-
телеграфных линий связи: Владимирская,
Новосибирск, Тамбовская, Пензенская, Брест-
ская, Ярославская, Горьковская, Гомельская,
Могилевская, Тульская обл., Литва. (Из
написанного в эту пору - книга прина-
длежала - "Благая весть" - 64 г., затем
такая фискологич. ибутирмическая и
схемны в Тульской обл. (Оно из книги
сверстана суждений: "Русская армия-
маза плюс вивернутий нахзанаху, Анжн).
С 69 по 74 г. восточ. на службе по
решению гоним. хит. линии связи в Москв-
ской обл. (географич. указание свистала по
службе рибиты в вост. война Венгрии,
Минчу улом, в 68-69 г.г. писал для книги
уражатель иитологич. иобесвенные св.
лов, от древнейших времен до времен по-
вешенных; диктаны в манере гоним. аласанурт
хит, кануны, сонеты, иисувствительные
биплавы, рибиты, вилхиты и восточные.
Большинство хит для книги рибиты
придуманы иот гоним. иисувствования ун
ристокки пегей, Чудом уделен (Мн.-Мн.)
"Чудом же не уделен" Этимурт Мн.

*Страница из письма Венедикта Ерофеева Светлане
Шнитман-МакМиллин, 1983 год*

Введение

Сведения о писателе

«Автор шедевра „Москва – Петушки“ – самая загадочная фигура современной русской литературы»⁸, – писали в 1981 году Петр Вайль и Александр Генис. Весной 1983 года я получила от Венедикта Ерофеева письмо, которое слегка приоткрывало завесу над его биографией (авторская орфография и пунктуация сохранены):

Милейшая Светлана!

Больше месяца порывался Вам переправить какую-нибудь писульку... Пишу покороче и в пределах дозволенного.

«Тронут» – слово для меня пустопорожнее и рудиментарное, однако, по получении Вашей страницы, был в первоначальном значении «тронут». Отвечаю коротко из непривычки писать подцензурно и от отвращения ко всяким перлюстрациям.

Не знаю, что у Вас выйдет из Вашей работы (над М. – Пет.), знаю только, что смахивающие на нее штуки уже писались (в каком-то тартуском университете, но, разумеется, в стол и не дальше),

⁸ Вайль П., Генис А. Литературные мечтания. С. 224.

в одном из университетов США (не видел, краем уха слышал цитаты и уже не увижу, само собой). Слышал совершенно достоверно, что английский перевод получил первую премию Британии за 1980 год, но в глаза не видел ни одного отзыва британской или американской прессы (о том, что они есть и что они все из похвал и недоумения, я довольно прослышан, но и только).

О жизненных путях – коротко, как это возможно. Родился в октябре 24 числа 1938 года (во всех изданиях меня на год молодят, а в голландском – на 15)... Родился в Заполярье (Мурм. обл.). Семья начальника полустанка на линии «Кандалакша – Мурманск». Выучился писать в пять лет (читать еще на пятом году). Первое сочинение («Записки сумасшедшего») писаны еще до поступления в первый класс, под победную канонаду 45-го года. По окончании 10-го класса с золотой медалью впервые пересек Полярный круг с севера на юг и вступил в МГУ – в 1955 г. В 56–58 годах накатал 5 более-менее пухлых тетрадей «Записок веселого неврастеника». Традиционной была только дневниковая форма. Обо всем остальном мой тогдашний рабби В. Муравьев с потиранием рук отозвался так: «Да знаешь ли ты, Веничка, что ты Эрнст-Т-А Гофман 20 столетия?» Сказано было слишком запальчиво, но я был в волнении чуть более академического часа.

Дальше вот какие вехи. В 1958 г. – изгнание из МГУ. 58–59 гг. работы подсобником каменщика

на подмосковных стройках. 60–61 г. – рабочий на строительстве шоссе Москва – Пекин (оно дотянулось до Рязани, по-моему). В биолого-разведочной станции на Украине... С 1964 по 69 год монтажник кабельно-телефонных линий связи: Владимир, Ивановская, Тамбовская, Липецкая, Могилевская, Гомельская, Тульская обл., Литва. Из написанного в эти годы – самая примечательная – «Благая весть» 1964, зачитана высоколобыми собутыльниками и сгинула в Тульской обл. (Одно из самых свирепых суждений: «Русская арлекиниада плюс вывернутый наизнанку Ницше».) С 69 по 74 г. состоял на службе по ремонту телеф. – каб. линий связи в Московской обл. (географический диапазон съезжился по случаю рождения сына Венедикта в 66 г.). Между делом, в 66–69 г. писал для сына дурашливые антологии собственных стихов, от древнейших времен до времен новейших: в манере греческой, александрийцев, канцоны, сонеты, несусветнейшие баллады, рондели, верлибры и все такое. Большинство этой для меня радостной продукции моя теща использовала для растопки печей. Чудом уцелели «Москва – Петушки» и чудом не уцелел «Димитрий Шостакович». Обе писались весело и безоглядно (и с вдохновением, выражаясь анахронически). Первая с 18 янв. 70 г. по 7 марта 70 г. (с урывками будничного свойства – в общежитии-вагончике, с системой трехъярусных нар и пр.). Вторая с 3 февр. 72 г. по нач. апреля 72 г. (в условиях тех же, но с помехами помельче).

Первая исчезла через неделю по окончании и чудом была отыскана в г. Гусь-Хрустальном Влад. обл. усилиями кафедры рус. лит-ры МГУ. Вторая пропала бесследно в мае 72 г. Поиски в 73 г. прекратились, а несколько моих почти клятвенных заверений восстановить оказались неисполнимо вздорными: т. е. сюжет и буффонада еще по силам, а все остальное – нет. С 74 г. – в паразитологической экспедиции по борьбе с «окрыленным кровососущим гнусом» (именно так). С 76 г. – в геофизической экспедиции в Сев. Карелии. В середине 70-х годов развлекся составлением учебников для сына (учеб. географии, истории, философии, лит-ры etc.) с перекувыркиванием всех привычных представлений. Тут уже отталкивание от моего наперсника Вадима Тихонова, путающего, между нами говоря, Генри Форда и Эрнста Резерфорда, Оффенбаха и Фейербаха, Рембрандта и Вилли Брандта, Жоржа Марше и Жерома Бомарше и пр. Это все кратковременная отдушина. В последние два года влез с головою во все, что имеет хоть косвеннейшее отношение к еврейским судьбам (в самом безбрежном смысле этого понятия). Материалов скопилось столько, что хватило бы и на «фарс с летальным исходом», что и обещал к нынешней весне, и на что-нибудь пообъемнее (я не о количестве страниц). Еврей, т. е. должен пройти насквозь, хотя речь не только о них, да и вовсе не о них. Ну, допустим, как спиртное в «Москве – Петушках». А вот о спиртном. С 1 октября прошлого года я, максималист, с ним совершенно «завязал»...

Не замедлила явиться цепь неофитов-последователей в столичной и ленинградской среде художников и литераторов. Не знаю, дурно ли на мне это скажется, хорошо ли, – но пока только непрерывная утомляемость от всего на свете, ничем не окрыленность, никуда не желание, ни во что не погруженность и пр. «Я на шестом месяце», – говоря по-женски, а конца не предвижу.

Еще немножко...

Завышенная цена моих «Москвы – Петушков» меня порадовала. Я от многих русских слышал подобное же (хоть и написано было для десятка приятелей), из Новосибирска, Еревана, Вильнюса и etc. В том числе от очень не поверхностных и очень разных: Льва Гумилева, сына двух незадачливых родителей, вождя нашей семиотики Ю. Лотмана, крупных англоведов и пр. Но самое обескураживающее: Ваш комплимент из восьми слов в адрес «Москвы – Петушков» совершенно дословно повторяет сказанное стариком академиком Капицей (он не чурается литературы, и сколько позволяет бремя лет и все такое – пристально следит). Вопросов у вас, разумеется, больше, да и просьб. Но приняв во внимание почтовые фильтры – приканчиваю. Извинения прошу за казенщину письма и неодушевленность. Кланяюсь. Вен. Ер.

Совпавший со словами академика Капицы мой отзыв о книге: «В современной русской литературе Ваша книга – самая блестящая по форме и самая трагическая по содержанию».

Еще несколько дополнительных сведений: по словам поэта Вадима Делоне, причиной изгнания из МГУ была музыкальная пьеса, написанная для студенческого театра и готовившаяся к постановке в честь праздника Октябрьской революции. Воспоминания любимого друга Ерофеева доверия не вызывали: по его словам, в пьесе хор большевиков исполнял исключительно матерные слова, а меньшевики и эсеры отвечали тем же. Дафни Скиллен рассказала мне слышанную от самого Венедикта Ерофеева историю о том, как был утерян «Димитрий Шостакович» (который был «не тот Шостакович», а приемщик стеклотары Димитрий Шостакович). Держа манускрипт в авоське с двумя бутылками водки, неосмотрительный автор задремал в вагоне поезда. Проснувшись, он обнаружил, что поклажа пропала. Повествование об этой невеселой истории кончалось литературно: «Я бросился в поле и рыдал, как Печорин»⁹. Из того же источника стало известно, что Венедикт Ерофеев болен раком горла и перенес тяжелую операцию. Имя писателя встречается в книге Г. Померанца «Сны земли»:

Году в 58-ом или 59-ом мы читали дневники Венедикта Ерофеева (он оставил их Ириному сыну¹⁰, а тот отнес нам). Мы оба думали, что талант Венички,

⁹ Эта история воспроизведена в интервью: *Ерофеев В., Скиллен Д.* «Я не спешу». С. 177–178.

¹⁰ Муравьева Ирина Игнатьевна (1920–1959) – специалист по датской и французской литературе, мать Владимира Муравьева, ближайшего друга Венедикта Ерофеева.

видный на каждой странице, гибнет от юродивого решения вернуться в грязь, где остались товарищи и подруги по полярному поселку, не получившие золотой медали и не попавшие в Московский университет. Мы сделали бы все, что могли, чтобы отговорить от такой юродской соборности¹¹.

Факт, что Венедикт Ерофеев вел дневник, подтверждался несколькими источниками. Вероятно, дневник воспринимался самим автором как литературный документ, если чтение позволялось незнакомым родителям друга. Сейчас хорошо известно и задокументировано, что Ерофеев вел дневник, и некоторые из его записных книжек опубликованы. Взгляд на Венедикта Ерофеева как на выразителя состояния целого поколения высказан тем же Померанцем:

Веничка (как его называл Володя), несмотря на приглашения, старательно не попадался на глаза и гнул свое, чувствуя, может быть, социальный заказ поколения, погибавшего в пьянстве и свальном грехе¹².

Образ, который сложился в моем тогдашнем представлении: эрудит, выросший на заброшенном полустанке в безмолвии глухой тундры; бродяга, презревший правила всемогущей прописки; мистик в стране государственного атеизма, Венедикт Ерофеев казался парадоксальнейшей фигурой, характерно отражающей противоречия своего времени и стра-

¹¹ Померанц Г. С. 171.

¹² Там же.

ны.

Характер, направление и цель предлагаемой работы

Главная особенность «Москвы – Петушков»

При прочтении «Москвы – Петушков» в глаза бросаются явные, ложные и скрытые цитаты, реминисценции, аллюзии, стилизации, пародии, травести, мистификации, широко использованные ресурсы устной речи: пословицы, поговорки, «крылатые слова», анекдоты, песни. Чтобы дать самое общее представление о размахе и диапазоне цитат и прямых ассоциаций, приведем следующий факт: на 157 страницах книги встречается более 100 имен русских и зарубежных писателей, философов, композиторов, музыкантов, политиков, певцов, артистов, литературных и библейских персонажей. Названия произведений искусства: книг, опер, картин, фильмов, а также исторические события и географические названия, не связанные напрямую с действием, образуют группу более 70 наименований. Цитирование является сквозным элементом, организующим смысловую и формальную структуру книги.

Публикации о «Москве – Петушках»

Важность вопроса о цитации в «поэме» Венедикта Ерофеева отмечена во всех статьях, посвященных этой книге. Моя библиография состояла из нескольких работ о «Москве – Петушках». В 1981 году появилась статья Б. Гаспарова и И. Паперно «Встань и иди». По названию ясно, что главное направление исследования – рассмотрение мотива воскресения, нашедшего глубокое отражение в «Москве – Петушках». Авторы прослеживают случаи соотношения текста «поэмы» с Библией, как в упомянутой тематике, так и в некоторых других мотивах, раскрывая также ряд литературных и музыкальных цитат. Работа Гаспарова и Паперно предлагает очень ценный материал по расшифровке книги Ерофеева. К сожалению, эта содержательная публикация в первом варианте почти не включала научный аппарат и многие цитаты давались по памяти без сносок. Но постановка и затрагивание важных тем, как и богатейший материал работы, являются серьезной заслугой ученых, чья статья – фундамент, положенный в основание всех будущих исследований о «Москве – Петушках».

Живая и талантливая публикация М. Альтшуллера предлагала эрудированное вступление к проблеме эпоса и классической поэмы. Дополняя начатую Гаспаровым и Паперно «расшифровку» книги Ерофеева, она рисует тот фон, на ко-

тором черты нового эпоса в «Москве – Петушках» выглядят более выпуклыми и очевидными. Но истолкование тематики и сюжета: герой никуда не ездил, а вся «поэма» – видения алкоголика в белой горячке перед смертью – представляются мне и упрощенными, и устраняющими главный конфликт книги. Этим расхождением мнений подчеркиваются два существеннейших вопроса: о природе путешествия в «Москве – Петушках» и об основной тематике книги. По ходу моей работы обеим проблемам будет уделено большое внимание.

Эмоционально накаленное эссе П. Вайля и А. Гениса «Страсти по Ерофееву» содержало ряд ценнейших догадок и прозрений. Авторы оговаривали, что их публикация не содержит претензий на научность. Ими было предложено понятие «полива» как характерного способа самовыражения автора «Москвы – Петушков». Присутствие этой манеры отрицать невозможно. Но Ерофеев – не только чистый мастер абсурда, поэтому необходимо, по возможности, найти ключ не только к «поливу», но к его реальности и бреду.

Отмечу еще несколько критических статей и работ. Рассмотрение проблем: водка, сатира, цитация – встречается в статье итальянского слависта П. Цветеремича «Il roema dell'emarginazione „Mosca sulla vodka“». Из наиболее замечательных критических статей упомянем «Исповедь россиянина третьей четверти XX века» Майи Муравник, газетную статью польского профессора Анджея Дравича «Билет

от Петушков в другую сторону», послесловие Михаила Геллера к французскому изданию «Москвы – Петушков». Любопытно отметить, что переводчики «поэмы» на французский язык Анни Сабатье и Антуан Пенго внесли некоторые ссылки на источники непосредственно в текст книги, считая, вероятно, такое хирургическое вмешательство необходимым для возможно полного восприятия читателем предлагаемого материала. Нужно отметить, что, хотя каждая из упоминаемых статей свидетельствует о глубокой и незаурядной заинтересованности авторов, все они носили фрагментарный характер.

О понятии «цитата» и «цитирование» в предлагаемом исследовании

Слово «цитата» происходит, как известно, от латинского *citare* – призывать, вызывать в свидетели, называть. Приведем выписку из словаря Даля:

Цитировать, цитовать кого, нем. ссылаться, приводить чьи-либо слова, делать выписку дословно. *Цитация, цитованье* или *цитовка*, дейст. по гл. *Цитата*, ссылка на кого, приведение слов его, или самые слова эти.

Сходное определение дает любой словарь литературоведческих терминов. Оно же встречается в работах филологов и лингвистов. Б. С. Шварцкопф в начале статьи «О некоторых

лингвистических проблемах, связанных с цитацией» приводит следующую формулировку:

Цитация – это точное воспроизведение в данном контексте определенного отрезка (или отрезков) из другого контекста, принадлежащего другому лицу (не говорящему и не пишущему)¹³.

Но именно в этой работе ученый приходит к выводу о необходимости расширения понятия «цитация». Практически речь идет о легализации свершившегося факта. В. Ф. Марков в статье «Цитатная проза у Мережковского» приводит очень расширенное понимание термина:

Цитатность, встречающаяся в литературе от классической древности до наших дней, принимает самые разнообразные формы – от чистого цитатона до едва уловимого эха¹⁴.

Чтобы охватить все разнообразие связей различных текстов, Жерар Женетт пользуется понятием «транстекстуальность», называя его «культурным пактом», объемлющим все цивилизации¹⁵. Соотношение текстов проявляется при этом в цитатах, аллюзиях, плагиате, эпиграфах, иллюстрациях, уведомлениях, вступлениях, рецепциях данного текста в последующих, жанровых связях в критических отношениях двух или более текстов, пародиях, травести, стилизациях,

¹³ Шварцкопф Б. С. С. 658.

¹⁴ Марков В. С. 253.

¹⁵ Genette G. P. 7–14.

имитациях, родстве сюжетов или персонажей, как, например: «Одиссея» Гомера – «Улисс» Джойса, Шерлок Холмс Конан Дойля и Уильям Баскервиль из романа Умберто Эко «Имя розы». Цитата (прямая, косвенная, ложная, намек, реминисценция и т. д.) – клеточка, прямой генетический элемент транстекстуальности. Сказанное приложимо, впрочем, не только к литературным текстам, но и к более широким культурным полям. Мы все чаще сталкиваемся в научной литературе с «цитацией» как всеобъемлющим элементом для связи разных традиций, областей культур и цивилизаций, о чем уже в XIX веке писал Р. В. Эмерсон. В своем философском трактате он говорил о каждом человеке как «цитате» своих предков, о каждом доме – как цитате лесов и камней, о том, что мы цитируем храмы, воспроизводя их эстетические каноны и физические основы, а в быту цитируем столы и стулья, создавая их по определенному образцу. Цитирование универсально и составляет основу любой культуры. По словам философа, «по необходимости, склонности или из удовольствия мы все цитируем не только книги и пословицы, но искусства, науки, религию, обычаи и законы»¹⁶.

Наиболее близким предлагаемому в данной работе понятию «цитаты» является определение Лизелот Фосс, работавшей в традиции исследования цитат, связанной с методикой немецкого ученого Германа Мейера. В книге о цитации у Теодора Фонтане Фосс писала о том, что в творчестве этого

¹⁶ Emerson R. W. B. 3. P. 273–288.

автора, лучше всех своих современников понимавшего, как уберечься от опасности эпигонства, встречается бесконечно много пластов разных традиций, элементов искусства, указаний, намеков и ссылок, обращений ко всему, что предшествовало тексту и накладывалось на существующую во время написания действительность. По словам Фосс, все эти элементы входят в рамки понятия «цитата». Исследовательница добавляет, что как «цитату» можно рассматривать отождествление определенных лиц в сюжете с литературными, а иногда и историческими персонажами. К области цитирования относятся в реалистическом повествовании и знакомые сюжетные схемы из произведений мировой литературы¹⁷

¹⁷ Voss E. S. 7, 9.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.